

На правах рукописи

Шигабутдинова Алина Леонидовна

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА

Специальность 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Казань - 2011

Работа выполнена на кафедре теории и истории государства и права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

- Научный руководитель:** кандидат юридических наук, доцент
Бакулина Лилия Талгатовна
- Официальные оппоненты:** доктор юридических наук, профессор
Липинский Дмитрий Анатольевич
- кандидат юридических наук, доцент
Захаров Алексей Леонидович
- Ведущая организация:** ГОУ ВПО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Защита состоится «26» января 2012 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.081.26 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) юридических наук при Федеральном государственном автономном образовательном учреждении ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008 г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, ауд. 335.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета.

Автореферат разослан «__» декабря 2011 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

Г.Р. Хабибуллина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Приоритетные для современного этапа развития Российской Федерации задачи планомерного становления зрелого гражданского общества, формирования его основных институтов, укрепления и стабилизации политической системы, повышения качества государственного управления и судебной системы, модернизации основных сфер общественной жизни вызывают настоятельную потребность в активном и эффективном регулирующем воздействии права.

При этом конкретно-исторический опыт с очевидностью демонстрирует, что совершенствование нормативной основы государственно-правовой действительности не приводит к необходимому результату без соответствующих усилий по обеспечению реализации норм права, воплощения их предписаний в фактическом поведении субъектов права.

В этой связи проблема правореализации, хорошо известная отечественной правовой науке и получившая достаточно глубокую общетеоретическую разработку, по-прежнему сохраняет свою актуальность. Непрерывно развивающееся правовое регулирование общественных отношений требует ее осмысления в свете современных социальных условий, на основе действующего нормативного материала.

Дальнейшая разработка указанной проблематики, уточнение и дополнение сформулированных выводов призваны содействовать достижению социального эффекта правового регулирования, стимулированию активности субъектов права в процессе осуществления ими субъективных прав и юридических обязанностей и, в конечном итоге, внедрению режима законности во всех сферах общественной жизни.

Отмечая необходимость научных изысканий в сфере реализации права, следует в тоже время указать на целесообразность выхода за рамки традиционных для данной темы вопросов. Формирование целостного представления о правореализации требует перехода научного поиска от исследования внутренних закономерностей реализации права к рассмотрению ее в более широком плане – во взаимосвязи с иными элементами правовой материи.

Непосредственный интерес с этой точки зрения представляет освещение вопросов правосубъектности в контексте правореализационных процессов. Без учета специфики правосубъектности как формально-юридического свойства участника реализации права, определяющего как саму возможность участия лица в правореализующей деятельности, так и допустимые правовые границы этой деятельности, эффективное решение теоретических вопросов реализации права невозможно. Иными словами, рассмотрение обозначенной проблематики является необходимым этапом в исследовании факторов, в той или иной степени значимых для реализации права.

Таким образом, актуальность избранной темы обусловлена ее теоретической значимостью и практической ценностью.

Степень разработанности темы исследования. Проблема реализации права, являясь одной из ключевых в юридической науке, нашла достаточно

широкое освещение в исследованиях как общетеоретического, так и отраслевого характера. Ее разработка велась по двум основным направлениям: с одной стороны, делались шаги в осмыслении отдельных аспектов правореализационного процесса (форм, структуры, субъективно-психологических моментов, преемственности и прочих), с другой - предпринимались попытки построения обобщенной концепции реализации права.

Теоретическую основу для изучения правореализации создали работы Н.Н. Вопленко, В.И. Гоймана, В.М. Горшенева, Ю.И. Гревцова, И.Я. Дюрягина, Л.Н. Завадской, Ю.Х. Калмыкова, В.Н. Карташова, В.В. Лазарева, Е.А. Маркиной, П.Е. Недбайло, М.Ф. Орзиха, А.С. Пиголкина, П.М. Рабиновича, Ю.С. Решетова, В.А. Сапуна, Ф.Н. Фаткуллина, В.Ф. Яковлева и других авторов. Положения, сформулированные в указанных работах, продолжают в значительной мере определять современное состояние рассматриваемой области правовой науки.

Вопросы правосубъектности и субъекта права весьма подробно исследовались как в отечественной, так и зарубежной правовой доктрине. Заметное влияние на становление и развитие теории правосубъектности, ее общетеоретических и отраслевых аспектов, оказали, в частности, С.С. Алексеев, С.И. Архипов, Д.Н. Бахрах, Б.К. Бегичев, В.Я. Бойцов, С.Н. Братусь, Я.Р. Веберс, А.В. Венедиктов, П.П. Виткявичюс, Н.В. Витрук, Т.И. Илларионова, О.С. Иоффе, О.А. Красавчиков, Я.М. Магазинер, О.О. Миронов, А.В.Мицкевич, А.И. Пергамент, В.Д. Перевалов, Е.Н. Трубецкой, Г.Ф. Шершеневич и другие авторы. Задачи названных исследований были связаны преимущественно с осмыслением внутреннего строения правосубъектности, ее соотношения с правовым статусом и субъективными правами, сущности и назначения ее элементов, а также с выявлением особенностей конкретных видов отраслевой правосубъектности.

Между тем, при общей, весьма основательной разработке каждой из указанных научных проблем, юридическое познание не исчерпало всех возможностей в их изучении. Так, несмотря на существование значительного числа работ в названных сферах исследования, обращает на себя внимание тот факт, что проблема взаимосвязи правосубъектности и реализации права практически не становилась предметом специального комплексного рассмотрения. В работах, основной целью исследования которых становятся те или иные вопросы правореализации, попутно затрагиваются лишь отдельные аспекты обозначенной проблематики, не всегда позволяющие сформировать целостное представление о значении правосубъектности и отдельных ее элементов в процессе реализации права.

Объект исследования. Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации права.

Предмет исследования. Предметом диссертационного исследования является правосубъектность как ключевое формально-юридическое свойство участника реализации права.

Цели исследования. Основной целью диссертационного исследования является комплексное общетеоретическое осмысление правосубъектности в контексте реализации права, позволяющее установить ее значение в процессе правореализации. При этом существенное внимание уделяется общетеоретической характеристике участника реализации права как звена, опосредующего связь правосубъектности и реализации права.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих **задач**:

- проанализировать природу правосубъектности и ее функции в механизме правового регулирования, критически осмыслить основные направления в трактовке структуры правосубъектности;

- выявить социальные основы правосубъектности, определить объективные и субъективные факторы общественного бытия, непосредственно влияющие на формирование правоспособности и дееспособности субъектов права;

- рассмотреть характерные черты реализации права, обуславливающие соответствующие социально-психологические и юридические свойства ее участника, раскрыть соотношение категории «участник реализации права» с понятием «субъект права», уяснить место правосубъектности в целостной характеристике участника реализации права;

- установить внутренние и внешние связи правосубъектности, определяющие или оказывающие влияние на ее функционирование в реализации права;

- провести классификацию участников реализации права, выявляя и интерпретируя те аспекты проблемы правосубъектности, которые сопряжены с видовым своеобразием участников реализации права.

Методологическая основа исследования. При проведении диссертационного исследования в качестве отправной методологической установки использовался диалектико-материалистический метод познания (всеобщие принципы научного познания, основные категории диалектики). Наряду с этим методом применялись такие общенаучные приемы познания как анализ, синтез, дедукция, индукция, сравнение и обобщение и другие. Специфика поставленных задач обусловила необходимость реализации в исследовании принципов системного подхода. Кроме того, в ходе решения ряда частных вопросов диссертант обращался к сравнительно-правовому, формально-юридическому методу и методам толкования.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили труды представителей отечественной и зарубежной правовой науки, посвященные общетеоретическим аспектам проблемы реализации права, правосубъектности, правомерного поведения, а также научные изыскания в области гражданского, административного, трудового права и гражданского процесса. В частности, работы С.С. Алексеева, С.И. Архипова, Д.Н. Бахраха, Б.К. Бегичева, В.Я. Бойцова, С.Н. Братуся, Я.Р. Веберса, А.В. Венедиктова, П.П. Витквичюса, Н.В. Витрука, Н.Н. Вопленко, В.И. Гоймана, В.М. Горшенева, Ю.И. Гревцова, И.Я. Дюрягина, Л.Н. Завадской, Т.И. Илларионовой, О.С. Иоффе, Ю.Х. Калмыкова, В.Н. Карташова, О.А. Красавчикова, В.В. Лазарева, Я.М. Магазинера, Е.А.

Маркиной, О.О. Миронова, А.В.Мицкевича, П.Е. Недбайло, М.Ф. Орзиха, А.И. Пергамент, В.Д. Первалова, А.С. Пиголкина, П.М. Рабиновича, Ю.С. Решетова, В.А. Сапуна, Е.Н. Трубецкого, Ф.Н. Фаткуллина, Г.Ф. Шершеневича, В.Ф. Яковлева и других.

Системное исследование ряда вопросов потребовало обращения к работам А.В. Аверьянова, В.Г. Афанасьева, Д.А. Керимова, В.Н. Садовского, Л.Б. Тиуновой, В.С. Тюхтина, А.И. Умова, О.Ф. Шаброва, Э.Г. Юдина, в которых затрагиваются те или иные методологические аспекты системного подхода.

Эмпирическая база исследования представлена действующими нормативно-правовыми актами Российской Федерации, а также материалами обобщения судебной практики.

Научная новизна исследования выражается в том, что впервые предпринята попытка комплексного общетеоретического осмысления проблемы правосубъектности в контексте правореализационных процессов. Новым является постановка вопроса о соотношении категории «участник реализации права» с понятием «субъект права», впервые дается развернутая классификация участников реализации права, обосновывается авторская концепция правосубъектности, непротиворечиво сочетающая в себе ее понимание как юридической возможности, качества и свойства субъекта права, выявляются системные связи правосубъектности и их проявление в реализации права.

Научная новизна исследования находит отражение также в **основных положениях, выносимых на защиту**:

1. С учетом утвердившегося в философии понимания категорий качества и свойства, развиваются и дополняются новой аргументацией отдельные положения концепции правосубъектности как формально-юридического свойства субъекта права. Последовательно проводимая в философии мысль о неравнозначности качества и свойства дает основания для разграничения указанных категорий и при характеристике правосубъектности путем дифференциации в едином субъекте права двух взаимосвязанных составляющих - обезличенной, неперсонофицированной правовой формы и конкретного социального содержания. Для субъекта права как формы «правового бытия» индивидов и социальных образований правосубъектность является «субъектообразующим» качеством, формирующим его сущностную определенность; лишившись правосубъектности, субъект права перестает существовать как явление.

В то же время, для конкретного, единичного человека или социального коллектива как совокупности социальных, психологических и иных свойств, правосубъектность предстает лишь одним из множества свойств, содержанием которого является возможность быть носителем субъективных прав и обязанностей. Потеряв такое свойство, конкретный индивид или коллектив не перестает существовать как таковой, не лишается социального бытия, будучи лишь ограниченным в возможностях удовлетворения потребностей и интересов правовыми способами.

2. Юридическая возможность быть носителем субъективных прав и обязанностей, выражающая содержательный аспект правосубъектности как свойства, обладает рядом общих черт с субъективным правом, наличие которых позволяет сделать вывод о сходной правовой природе указанных явлений. Вместе с тем специфика юридического содержания, структуры и функций правосубъектности в механизме правового регулирования, свидетельствует о ее самостоятельном характере как особого, нетождественного субъективному праву, вида юридической возможности.

3. При теоретической разработке проблемы правосубъектности в контексте правореализации, представляется возможным сочетать два подхода: атрибутивный и инструментальный. В соответствии с первым, правосубъектность предстает в виде исходного формально-юридического свойства участника реализации права, выражающего его социально-психологическую готовность к осознанному поведению во взаимодополняющих сферах правового регулирования и правореализации. Второй - позволяет определить правосубъектность в качестве специфического правового средства-инструмента, устанавливающего юридические возможности участия лица в реализации права и определяющего правовые границы такого участия.

4. В дополнение к общим выводам о правосубъектности как определяющем юридическом свойстве участника реализации права утверждается целесообразность постановки вопроса о специфической служебной роли в правореализации ее структурных составляющих. Теоретически и практически это оправдано тем, что образующие правосубъектность статический и динамический элементы, дифференцируясь по своему социальному обоснованию и юридическому содержанию, приобретают различное функциональное назначение и в процессе реализации права.

Правоспособность выступая в процессе реализации права в качестве фактора, определяющего допустимые пределы правореализующего поведения того или иного субъекта права, устанавливает границы, в которых осуществление прав и обязанностей считается правомерным и гарантируется государством. Дееспособность в рассматриваемом контексте, являясь непосредственным выражением социально-психологической готовности лица к выработке разумной воли, обосновывает саму возможность его самостоятельного участия в правореализации. Поэтому при всей важности выполняемых правоспособностью функций, ключевая, детерминирующая роль в процессе реализации права принадлежит дееспособности.

5. Трактовка правосубъектности как исходного, определяющего свойства участника правореализации, свидетельствуя о тесной, органической, взаимосвязи понятий «субъект права» и «участник реализации права», отнюдь не означает их отождествления. Каждое из указанных понятий обладает самостоятельным смысловым значением и играет различную гносеологическую роль. Поэтому полноценная разработка теоретической конструкции участника реализации права, в которой преломляются основные субъектные

(субъективные и объективные) факторы правореализующего поведения, с одной стороны, невозможна вне связи с характеристикой правосубъектности, а с другой – не должна сводиться к последней.

6. Дифференцированное изучение отдельных сторон и свойств правосубъектности должно диалектически сочетаться с принципиальной установкой на ее целостность, системный характер. Представление о системности правосубъектности позволяет выявить набор внутренних и внешних связей, определяющих или оказывающих воздействие на ее функционирование в процессе правореализации.

7. Внутренние системообразующие связи между правоспособностью и дееспособностью порождают новое, интегративное качество правосубъектности, которым определяется ее значение в процессе реализации права.

Системное качество правосубъектности, образуемое в результате взаимодействия правоспособности и дееспособности, характеризует ее как комплексную, цельную юридическую возможность лица, обуславливающую его самостоятельное участие в процессе правореализации.

Ни правоспособность, ни дееспособность, взятые обособленно, не отвечают подобным функциональным характеристикам. Иными словами, ни одна из указанных юридических возможностей изолированно не образует еще ключевого формально-юридического качества субъекта права и не может рассматриваться как достаточное условие правового характера его поведения.

8. Системообразующие связи между правоспособностью и дееспособностью как элементами правосубъектности носят функциональный характер. При этом правомерно утверждать неоднородность функциональных связей правосубъектности, возможность их дифференциации на два взаимодополняющих типа – функциональной координации и функциональной субординации, каждый из которых находит соответствующее отражение в процессе правореализации.

9. На функциональную активность правосубъектности в процессе правореализации существенное воздействие оказывают и ее внешние – межотраслевые – связи (системные взаимосвязи между различными видами отраслевой правосубъектности), представляющие собой специфическую форму внешнего проявления межотраслевых связей в праве. В межотраслевых связях правосубъектности находит свое опосредованное выражение объективно существующая взаимозависимость относительно самостоятельных участков социальных взаимодействий, регулируемых правовыми нормами различной отраслевой принадлежности.

10. Обосновывается дихотомическое деление участников реализации права в зависимости от наличия в их правореализующих действиях властного начала. Такой подход дает возможность образовать два понятия: участники реализации права, действия которых носят властно-организационный, управленческий характер, и участники реализации права, правомерным действиям которых властно-организационный и управленческий характер не присущ.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что рассмотрение правосубъектности с точки зрения реализации права углубляет наши представления о многообразных явлениях, оказывающих воздействие на правореализационный процесс, служит закономерным этапом в познании функционирования элементов механизма правового регулирования, представляет ценность для уточнения понятийного аппарата по указанной проблематике. Полученные результаты являются необходимой теоретической основой для последующего исследования взаимосвязи правореализующего поведения и содержательных особенностей правосубъектности отдельных видов участников реализации права.

Практическая значимость исследования заключается в том, что выводы и обобщения, сформулированные в работе, могут быть использованы в научно-исследовательских разработках по соответствующей проблематике, при подготовке учебных пособий, методических рекомендаций, проведении лекционных и семинарских занятий по курсу «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права», спецкурсу «Реализация права».

Апробация результатов диссертационного исследования. Теоретические выводы и положения, изложенные в диссертации, докладывались автором на конференциях, проводимых в 2009-2011 годах как в Казанском (Приволжском) федеральном университете, так и в иных высших учебных заведениях (МГЮА им. О.Е. Кутафина, Пермском государственном университете, Челябинском государственном университете), отражены в 12 опубликованных статьях.

Материалы диссертации использованы в учебном процессе при проведении семинарских занятий по курсам «Теория государства и права» со студентами дневного и заочного отделения юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, при проведении лекционных занятий по курсу «Правоведение» со студентами института истории, а также института экологии и географии Казанского (Приволжского) федерального университета.

Диссертация была обсуждена на заседании кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, оценивается степень ее разработанности, определяются объект и предмет исследования, его цели и задачи, характеризуется методологическая и теоретическая основа, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, формулируются основные положения,

выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов исследования.

Глава 1: «Общетеоретическая характеристика правосубъектности». В первом параграфе «Понятие и структура правосубъектности» диссертантом решается задача критического осмысления ключевых подходов к определению юридической природы правосубъектности и ее элементного состава, формулируется авторский взгляд на правосубъектность, синтезирующий ее понимание как юридической возможности, свойства и качества субъекта права.

К настоящему времени в правовой доктрине кристаллизовалось и приобрело значительное число сторонников два основных направления в понимании сущности правосубъектности.

Первое - представлено позицией авторов, признающих правосубъектность субъективным правом лица. Стержневым доводом сторонников указанной концепции является тождественность природы субъективного права и правосубъектности как гарантированной государством правовой возможности.

Соглашаясь с признанием правосубъектности правовой возможностью, диссертант вместе с тем ставит под сомнение обоснованность сведения всех юридических возможностей только к субъективным правам, поскольку из правовых норм для лица вытекает целый ряд правовых возможностей, различающихся по функциональной роли, социальному назначению и юридическому содержанию.

Проведенный сравнительный анализ позволяет диссертанту выявить ряд общих черт правосубъектности и субъективного права, дающих основание для вывода о сходной правовой природе указанных явлений и подтверждающих правомерность квалификации правосубъектности как юридической возможности. Во-первых, исходным началом правосубъектности, равно как и субъективного права, является дозволенность, разрешенность, допустимость со стороны государства тех или иных действий. Во-вторых, формально-юридическим источником, средством закрепления правосубъектности, как и субъективного права, являются нормы объективного права, что позволяет говорить об их вторичности по отношению к объективному праву. В-третьих, субъективное право является ограниченной возможностью, т.е. оно всегда указывает на то или иное направление деятельности, определенную линию поведения. Правосубъектность также не только предоставляет определенные возможности субъекту права, но и выполняет функцию своеобразного ограничителя его «правовой сферы», поскольку тот или иной субъект права способен иметь лишь те права и обязанности, и соответственно, вступать только в те правоотношения, которые предусмотрены его правосубъектностью. В-четвертых, возможность, заложенная в субъективном праве, как и в правосубъектности, служит цели удовлетворения потребностей и интересов отдельных лиц или общества и государства в целом. В-пятых, правосубъектности, как и субъективному праву, присуща социальная обусловленность, зависимость содержания от тенденций общественного и, прежде всего экономического, развития.

Утверждая наличие сходных признаков правосубъектности и субъективного права, автор вместе с тем указывает на существенные отличия названных правовых явлений, свидетельствующие о самостоятельности правосубъектности как особого, нетождественного субъективному праву, вида юридической возможности. Это, во-первых, специфическое, отличное от субъективного права, юридическое содержание и, соответственно, организующая данное содержание структура правосубъектности; во-вторых, присущая правосубъектности особая роль в механизме правового регулирования, нетождественная соответствующим функциям субъективного права.

Второе направление, рассмотренное автором, связано с пониманием правосубъектности как социально-юридического свойства (качества) лица. Диссертантом оценивается его правомерность с точки зрения философского наполнения категорий качества и свойства, совместимость с трактовкой правосубъектности как юридической возможности и допустимость рассмотрения свойства и качества как синонимичных обозначений правосубъектности.

В работе подчеркивается, что философский взгляд на соотношение качества и свойства, отличаясь от обыденного и конкретно-научного, расценивает указанные категории как нетождественные, несинонимичные: качество - это внутренняя определенность предмета, совокупность существенных свойств, изменение которых означает изменение самого предмета, свойство - лишь одна из сторон качества. С указанных позиций следует подходить к их использованию в характеристике правосубъектности.

Связывая решение вопроса о неравнозначности правосубъектности как качества и как свойства с уточнением категории «субъект права», автор различает в едином субъекте права два взаимосвязанных слагаемых - обезличенную, неперсонафицированную правовую форму и конкретное социальное содержание. Первое - представляет собой определенную правовую конструкцию, которая обладая законодательно установленными признаками, обеспечивает «вхождение» участников общественных отношений в правовое пространство. Второе слагаемое - это реальный индивид или социальное образование, «принимающие» обезличенную форму субъекта права и наполняющие ее действительным «существованием».

Автор полагает, что для субъекта права как формы «правового бытия» индивидов и социальных образований правосубъектность является тем качеством, которым определяется его специфика как правового явления. В то время как для конкретного индивида или организации правосубъектность предстает лишь одним из множества социальных свойств, содержанием которого является юридическая возможность быть носителем субъективных прав и обязанностей. Приведенное решение проблемы вполне согласуется с выводами философии, в соответствии с которыми то, что является качеством для одной вещи, может оказаться просто свойством для другой.

Считая юридическую возможность быть носителем субъективных прав и юридических обязанностей содержательным аспектом правосубъектности как

свойства, диссертант приходит к выводу о потенциальной допустимости непротиворечивого сочетания указанных проявлений правосубъектности в единой концепции. Такой прием, устраняя необходимость выбора одного из двух подходов и исключая дополнительную дискуссионность проблемы, в то же время обогащает трактовку правосубъектности, способствует формированию целостного представления о ней.

Обращаясь к рассмотрению внутреннего строения правосубъектности, автор систематизирует различные точки зрения, высказанные в отечественной правовой науке по указанному вопросу, подробно излагает подтверждающие их аргументы, а также доводы, выставленные против их основных положений.

Обосновывая свое видение структуры правосубъектности, диссертант полагает возможным присоединиться к авторам, рассматривающим правосубъектность как единство правоспособности и дееспособности. Хотя указанная позиция не безупречна, и в литературе не раз ставилась под сомнение ее правильность, тем не менее, ей нельзя отказать во внутренней непротиворечивости, фактической и логической аргументированности.

В работе некоторое внимание уделено дискуссионным аспектам понятия правоспособности и дееспособности и их роли в структуре правосубъектности. Так, автором рассматриваются различные подходы к определению сущности правоспособности как способности иметь права и обязанности, анализируется ее взаимосвязь с дееспособностью. Поскольку указанная проблема не получила исчерпывающего решения в правовой науке, диссертант предлагает собственное ее понимание. В частности, доказывается, что широко распространенная точка зрения, согласно которой проявлением правоспособности считается способность к приобретению и (или) осуществлению прав и обязанностей, в большинстве отраслей права логически ведет к стиранию граней между правоспособностью и дееспособностью.

Более корректной в этом плане признается дифференциация правоспособности и дееспособности как статического и динамического аспектов правосубъектности. Правоспособность, рассматриваемая в качестве статической стороны правосубъектности, лишь предоставляет возможность правообладания в определенной сфере общественных отношений и косвенно указывает на набор прав и обязанностей, потенциально доступный для субъекта в данной отрасли права. Дееспособность же, характеризуя правосубъектность с динамической стороны, охватывает способности к реализации правоспособности, т.е. к приобретению и осуществлению прав и обязанностей, подразумевающие самостоятельный характер совершения соответствующих действий правоспособным лицом.

Во **втором параграфе «Социальные основы правосубъектности»** раскрывается проблематика социальной детерминации правосубъектности.

Поскольку механизм «субъектообразования», смысл которого состоит в придании лицу правосубъектности, не ограничивается рамками только государственно-правовой жизни, важным является обращение к «носителю» правовой формы субъекта права – конкретным участникам общественных

отношений, объективная социальная природа которых, будучи осознанной законодателем, определяет особенности их правосубъектности.

Решая поставленную задачу, автор раскрывает содержание категории «свобода воли». Указывается, что относительная свобода воли, означающая способность лица самостоятельно определять конкретный вариант поведения в пределах действующих объективных закономерностей, выступая в качестве обязательной предпосылки правового регулирования общественных отношений, является наиболее общей принципиальной основой наделения их участников способностью быть носителем субъективных прав и юридических обязанностей, т.е. правосубъектностью.

В работе определяются объективные и субъективные факторы общественного бытия, непосредственно влияющие на формирование правоспособности и дееспособности субъектов права в конкретных отраслях права. Поскольку установление указанных факторов конструктивно лишь применительно к отдельным видам субъектов права, автор затрагивает теоретические основы их классификации. Показывается, что предложенное правовой наукой деление субъектов права на две предельно широкие категории - индивидуальные и коллективные - хотя и вызывает у юристов определенные нарекания, оправданно с точки зрения общественной сущности «носителя» правовой формы субъекта права – участника реальных социальных взаимодействий, наделенного правосубъектностью. Сообразно этому социальная основа формирования правоспособности и дееспособности рассматривается применительно к двум социальным типам субъектов права, условно обозначенным как индивид и социальное образование. При этом уточняется, что не всякое социальное образование обладает необходимыми предпосылками для вступления в правовую сферу жизни общества в качестве единого лица. Указанный класс субъектов права, по мысли автора, представлен социальными организациями, способными принимать разнообразные правовые формы: юридические лица, государственные органы, органы местного самоуправления, общественные организации и т.д.

Поскольку выполняемые правоспособностью функции не связаны с активностью субъекта права, она в меньшей мере зависит от состояния его воли, главным образом определяясь объективными факторами общественного бытия. В этой связи анализ ее социальных основ состоит в исследовании той части социальной действительности, которая обуславливает фактическое положение участника определенной системы общественных отношений, влияя на содержание и объем отраслевой правоспособности соответствующих субъектов права. Использование при решении указанных вопросов категориального аппарата социологической науки, позволило автору отнести к социальной основе отраслевой правоспособности индивида систему социальных статусов в единстве с присущими им правами и обязанностями, сложившуюся в той или иной сфере общественных отношений, а к социальной основе правоспособности организаций - ее цели.

При выяснении социальных основ дееспособности автор исходит из того, что в отличие от статичной правоспособности, дееспособность находится в

прямой зависимости от воли социального субъекта и детерминирующих ее субъектных факторов. Соответственно этому в качестве социальных основ дееспособности индивида называются факторы, свидетельствующие о способности человека к нормальному волеобразованию – его психическое здоровье и возрастные критерии умственного и физического развития. К социальной основе дееспособности организации, которая отражает ее готовность к координированной деятельности, к выработке самостоятельных решений, к преобразованию единичных интересов и действий членов организации в ее собственное юридически значимое поведение, автор относит организационную структуру, включающую органы управления.

Глава 2: «Общеправовые основания правосубъектности в правореализации». Первый параграф «Значение правосубъектности и отдельных ее элементов в процессе реализации права» посвящен рассмотрению теоретических аспектов взаимосвязи правосубъектности и реализации права, анализу основных направлений в понимании значения правосубъектности в правореализационном процессе.

Отсутствие специальных теоретических разработок рассматриваемой проблемы, тем не менее позволяет диссертанту говорить о том, что в правовой науке фактически доминирует представление о правосубъектности как конститутивной черте участника реализации права. Адекватная оценка подобной позиции закономерно потребовала осмысления категории «участник реализации права».

В целях предпринятого анализа автор обращается к сущности правореализации и ее правомерно-поведенческой трактовке. Отмечается, в частности, что значительная часть разработок в указанной области правовой науки опирается на сходные представления о реализации права как о фактическом воплощении в поведении индивидов и организаций идеальной модели поступков, установленной правовой нормой. Анализ различных точек зрения, высказанных по указанному вопросу, позволяет автору утверждать, что раскрывая природу и характерные черты участника реализации права, следует в первую очередь рассматривать его как субъекта правомерного поведения.

В работе обращается внимание на специфическую определенность субъектов правового, в том числе и правомерного поведения, обусловленную социально-психологическим и нормативным своеобразием названного вида поведения. Показано, в частности, что основным каналом регулятивного воздействия норм права на поведение выступает сознание и воля человека. Поэтому совершение правомерного поступка (равно как и противоправного) в той или иной степени всегда осознано, опосредовано психической деятельностью человека, его интеллектуально-волевой активностью.

Сознательно-волевая природа правомерного правореализующего поведения, дает основание для вывода, что участником реализации права следует признать лицо, способное понимать характер и значение совершаемых действий, сознательно согласовывать их с требованиями права, делать осмысленный выбор того или иного варианта поведения. Указанные психологические свойства участника реализации права, охватываемые в целом

категорией свобода воли, получают юридическое выражение в институте правосубъектности как единстве правоспособности и дееспособности. Наличие правосубъектности, иначе говоря, рассматривается в качестве формально-юридического критерия надлежащего (с точки зрения правового регулирования) состояния сознания и воли лица, принципиально позволяющего оценивать его поведение на предмет правомерности. Поэтому правореализующее значение может быть признано только за действиями индивидов и организаций, наделенных правосубъектностью.

Диссертантом освещается специфическая служебная роль в правореализации правоспособности и дееспособности. Исходя из предложенного ранее понимания правоспособности, автор заключает, что в процессе реализации права правоспособность является фактором, определяющим допустимые пределы правореализующего поведения. Практически это означает, что основанием правомерности действий лица следует считать не только их согласованность с предписаниями правовой нормы, непосредственно предусматривающей конкретные права, обязанности и запреты, но и соответствие осуществляемых субъектом прав и обязанностей объему его правоспособности. При этом диссертантом подчеркивается, что подобный подход к оценке правомерности, на теоретическом уровне рассматриваемый как универсальный, законодателем применяется, главным образом, по отношению к действиям коллективных субъектов права, которые, по общему правилу, обладают специальной правоспособностью. Необходимость в специальной постановке вопроса о границах правомерности поведения, определяемых правоспособностью, применительно к индивидуальным субъектам возникает лишь в случае законодательного установления изъятий из принципа общей и равной правоспособности в отношении подобных субъектов права.

Отмечается, что ключевая, детерминирующая роль в процессе реализации права принадлежит дееспособности как динамической стороне правосубъектности, которой охватываются способность к приобретению и осуществлению прав и обязанностей. Что касается деликтоспособности, то ее значение проявляется лишь в отношении того участка правомерной деятельности, которым охватывается реализация санкций правовых норм. Иными словами, по мнению автора, в функциональном аспекте деликтоспособность представляет собой элемент дееспособности, обуславливающий возможность применения к лицу санкции нормы права, в случае совершения им неправомерного поступка.

Диссертант утверждает, что трактовка правосубъектности как исходного, определяющего свойства участника правореализации отнюдь не означает отождествления понятий «субъект права» и «участник реализации права».

В этой связи в работе предпринимается попытка их дифференциации по следующим основаниям. Во-первых, обладая потенциальной возможностью участия в правореализующей деятельности, заложенной в правосубъектности, субъект права в силу тех или иных причин (отсутствие необходимых фактических обстоятельств, заинтересованности в реализации субъективного

права и т.п.) не всегда трансформирует ее в действительное правомерное поведение. Во-вторых, факт признания лица субъектом права не всегда предоставляет ему юридическую возможность самостоятельного участия в процессе правореализации. Подобная ситуация складывается в тех отраслях права, нормы которых предусматривают наделение индивида правосубъектностью вне зависимости от его социально-психологической готовности к выработке разумной воли и осознанному поведению, признавая тем самым субъектами права и недееспособных лиц. В-третьих, принимая во внимание всю совокупность социально-психологических компонентов, опосредующих правореализующее поведение конкретного лица, методологически неверно было бы сводить содержательную характеристику категории «участник реализации права» лишь к указанию на правосубъектность.

Наряду с рассмотренным подходом к пониманию значения правосубъектности в правореализационном процессе, в отечественной правовой науке сложилась и получила определенное распространение концепция, в которой правосубъектность с теми или иными вариациями определяется как стадия, этап воплощения норм права в жизнь.

Ставя под сомнение правильность подобной позиции, автор излагает следующие доводы. Во-первых, понятие «стадия» отражает определенное состояние, в которое переходит явление в ходе своего развития, сохраняя при этом ту же качественную определенность. Поэтому говорить о правосубъектности как о стадии правореализационного процесса правомерно лишь при условии качественно однородной природы указанных правовых феноменов. Однако, очевидно, что правосубъектность и реализация права, взятые в аспекте своего внутреннего единства, - явления разного порядка. Во-вторых, рассматривая соотношение правосубъектности и реализации права с точки зрения результатов поэтапного осуществления правового регулирования необходимо различать собственно стадии реализации конкретных правовых норм и средства, направленные на обеспечение данного процесса. В этом плане факт установления правосубъектности как таковой (не сопровождаемый накоплением соответствующих фактических обстоятельств, сознательно-волевой активностью субъекта) не «приводит в движение», не порождает процесс претворения конкретных норм права в жизнь, создавая лишь необходимое условие для этого. Поэтому более точным и корректным признается понимание правосубъектности в качестве специфического правового средства. Подобная трактовка правосубъектности в целом согласуется со сложившимся в юридической науке общим представлением о существовании правовых средств (А.В. Малько, В.А. Сапун).

Обобщая изложенные положения, автор заключает, что единый процесс правореализации фактически включает в себя два взаимодополняющих и взаимообеспечивающих компонента: реализацию установлений конкретных норм права и реализацию правосубъектности как исходной юридической возможности лица иметь, приобретать и осуществлять права и обязанности, опосредующей всякое правомерное поведение.

Во втором параграфе «Системность правосубъектности и ее проявление в реализации права» анализируются методологические аспекты исследования взаимосвязи правосубъектности и реализации права, обосновывается системная природа правосубъектности, рассматривается воздействие ее внутренних и внешних системных связей на процесс правореализации.

В работе показывается, что с точки зрения характера познавательных задач и общей последовательности их решения процесс изучения правосубъектности имеет преимущественно аналитическую направленность. На определенных этапах исследования подобный подход приводит к положительным результатам и является не только оправданным, но и необходимым, содействуя формированию всестороннего представления об отдельных сторонах и свойствах правосубъектности. Однако во избежание фрагментарности и рассогласованности сформулированных выводов, решение частных вопросов правосубъектности должно опираться на ее исходную целостную модель. В методологическом отношении это означает, что одна из возможных стратегий в познании правосубъектности связана с реализацией системного подхода как одного из основных направлений современной науки, ориентированных на адекватное описание сложноорганизованных объектов - систем.

Исходя из философского понимания категории «системность» как всеобщего свойства объектов реального мира, раскрывающего их внутренние и внешние связи (Л.Б. Тиунова), автор выделяет соответственно два возможных направления в осмыслении системности правосубъектности: во-первых, рассмотрение внутреннего аспекта системности правосубъектности, т.е. выделение системообразующих связей между ее элементами; во-вторых, исследование внешнего аспекта системности правосубъектности, в данном контексте означающее анализ системных связей правосубъектности с внешней для нее средой.

Обращаясь к внутреннему аспекту системности правосубъектности, автор показывает ее целостность, системную природу, ставя и решая следующие вопросы: в чем заключается новое, системное качество правосубъектности; каков характер связей, приводящих к его возникновению; как указанные связи проявляется в процессе реализации права.

При определении специфических, интегративных свойств правосубъектности, несводимых к свойствам образующих ее правоспособности и дееспособности, методологически верным признается рассмотрение ее с точки зрения системы более высокого уровня – механизма правового регулирования, неотъемлемой частью которой она является и вне связи с которой не может быть понята. В контексте правового регулирования правосубъектность, являясь конститутивным качеством субъекта права, выступает необходимой предпосылкой участия лица в правоотношениях, создает принципиальную возможность правообладания и правоосуществления, т.е. предваряет всякую правовую активность субъекта. Ни правоспособность,

ни дееспособность, изолированно, вне объединяющего их целого – правосубъектности – равной по значению функциональной нагрузки не несут.

При ответе на вопрос о природе связей, лежащих в основе системных качеств правосубъектности, диссертант обосновывает функциональную зависимость между правоспособностью и дееспособностью. Подобный вывод опирается на сложившееся в науке представление о том, что объекты, объединяемые связью функционирования, совместно осуществляют определенную функцию, причем эта функция может характеризовать либо один из этих объектов, либо более широкое целое, применительно к которому и имеет смысл функциональная связь данных объектов (Э.Г. Юдин). Справедливость отнесения такого определения к связям между элементами правосубъектности автор подтверждает следующими аргументами. Во-первых, процесс функционирования правоспособности и дееспособности носит взаимообеспечивающий характер, т.е. «функциональная активность одного компонента дополняется, обогащается функцией другого компонента, имеет место согласованность, соответствие различных функций» системы (В.Г. Афанасьев). Во-вторых, осуществление системных функций правосубъектности в рамках механизма правового регулирования есть интегрированный результат скоординированного, совместного действия ее статического и динамического элемента.

В работе показано, что структура правосубъектности представлена двумя взаимодополняющими типами связей – функциональной координации и функциональной субординации, каждый из которых находит соответствующее отражение в процессе правореализации. Так, если речь идет о правомерном поведении, которым осуществляется диспозиция правовой нормы, то на его обеспечение направлены координационные связи между правоспособностью и дееспособностью, реализация же санкций нормы права, вызванная нарушением или ненадлежащим осуществлением ее диспозиции, требует дополнительной актуализации субординационных связей между дееспособностью и деликтоспособностью нарушителя.

В рамках исследования внешнего аспекта системности правосубъектности, автором предпринимается попытка осмысления ее системных взаимосвязей с факторами внешней для нее среды. В качестве одного из возможных вариантов дифференциации подобного рода связей приводится деление их на связи «по вертикали» и «по горизонтали» (М.Н. Руткевич). Первые – охватывают взаимосвязи правосубъектности с социально-правовыми системами более высокого порядка. Связи «по горизонтали», выделяемые в рамках приведенной классификации, образуются между системами одного масштаба. Наглядным примером указанного вида связей автор считает объективно существующие системные взаимосвязи различных видов отраслевой правосубъектности. Поскольку наличие таких связей оказывает существенное воздействие на функциональную активность правосубъектности в процессе правореализации, автор подвергает их детальному исследованию.

Так, к проявлению межотраслевых связей правосубъектности, значимых с точки зрения правореализационной деятельности, диссертант относит следующие отношения. Во-первых, законодательно установленные случаи полиотраслевого значения отдельных видов правосубъектности, когда наличие правосубъектности в той или иной отрасли материального права либо определенное состояние ее структурных элементов оказывает прямое или косвенное влияние на обладание правосубъектностью и возможность участия в правореализации в рамках иных материальных отраслей права. Во-вторых, функциональную зависимость отдельных видов правосубъектности, обусловленную соответствующей взаимосвязью материальных и процессуальных отраслей права. В-третьих, в качестве специфического проявления межотраслевых связей правосубъектности рассматривается потребность в унификации возрастных границ деликтоспособности в различных отраслях права при совместном применении к лицу разноотраслевых мер ответственности.

Третья глава «Виды участников реализации права». В первом параграфе «Субъекты применения права: понятие и виды» затрагиваются теоретические основы классификации участников реализации права, рассматривается качественное своеобразие правоприменительной деятельности и специфика социально-юридических свойств ее субъектов.

При отборе оснований, которые могут быть использованы для построения классификационной схемы участников реализации права, методологически важно учитывать сущностные стороны классифицируемого объекта. Поэтому к разграничению участников реализации права следует подходить, имея в виду характер и качественное своеобразие совершаемых ими правомерных правореализующих действий. С этих позиций наиболее плодотворным представляется дихотомическое деление участников реализации права в зависимости от наличия в их правореализующих действиях властного, управленческого начала.

Теоретическое и практическое обоснование такого решения вопроса о критерии классификации автор усматривает в следующем. Во-первых, правореализационная деятельность субъектов, выполняющих функции веления по отношению к иным участникам социальных взаимодействий, обладает содержательной, формальной и результативной спецификой. Во-вторых, качественное своеобразие правомерного поведения, связанного с осуществлением специальных властных полномочий, служит основанием для обособления его в качестве самостоятельного компонента механизма реализации права, противопоставляемого иным (невластным) формам правореализации. В-третьих, субъектам, правомерные правореализующие действия которых обладают властно-организационной, управленческой природой, характерна специфическая определенность, позволяющая достаточно ясно отграничить их от иных участников реализации права. Таким образом, избранный критерий обеспечивает устойчивость и методологическую точность классификационной модели участников реализации права, а также позволяет увидеть диалектическую взаимосвязь между характером

правореализующего поведения и социально-юридическими свойствами его субъектов.

В работе подробно рассматривается класс участников реализации права, выделяемый по признаку властности правомерных действий, который в отечественной правовой науке традиционно связывается с категорией «субъекты применения права». Диссертант отражает состояние теоретической разработки указанной проблематики, рассматривает основные течения в понимании природы субъектов применения права, опирающиеся на соответствующие концепции правоприменительной деятельности.

Разделяя основные положения концепции, представители которой утверждают государственно-властную, управленческую природу правоприменительной деятельности, автор указывает на дискуссионность вопроса о соотношении применения права с его соблюдением, исполнением и использованием. Формулируя собственную позицию по этой проблеме, диссертант замечает, что правомерные действия по подготовке и принятию индивидуального властного решения, образующие содержание применения права, облекаются по существу в форму соблюдения, исполнения и использования норм. Названные действия, будучи непосредственно направленными на вынесение правоприменительного акта, с точки зрения результатов правореализации носят вспомогательный характер и вне правоприменительной деятельности не имеют самостоятельного значения. Это дает основание включать их в правоприменение. Вместе с тем применение норм права, аккумулируя в себе соблюдение, исполнение и использование, отнюдь не образует их суммативного сочетания. Применение права представляет собой специфическую разновидность правомерной деятельности, свойства которой определяются системным взаимодействием соблюдения, исполнения и использования норм права властным субъектом в целях индивидуально-правового регулирования общественных отношений.

Подчеркивая, что конститутивным признаком субъекта применения права является специальное государственное уполномочие на осуществление социально-управленческих функций, формально-юридическим выражением которого служит правоприменительная компетенция, автор ставит и решает вопросы о юридической природе правоприменительной компетенции и ее соотношении с правосубъектностью субъектов применения права.

На основе выводов, сделанных в ходе рассмотрения общего понятия компетенции, диссертант заключает, что правоприменительная компетенция представляет собой формально-юридическое свойство отдельных субъектов социального управления, содержанием которого выступает специализированное дозволение совершать управленческие действия по вынесению властных индивидуально-правовых предписаний.

Отмечается, что в некоторых случаях категории «субъект права, наделенный правоприменительной компетенцией» и «субъект применения права», находясь в неразрывном единстве, не совпадают по объему. Первое понятие подчеркивает специфику формально-юридических свойств отдельных субъектов права, наличие у них особой правовой возможности -

правоприменительной компетенции, в то время как содержательное своеобразие второго понятия складывается из двух компонентов: обладания правоприменительной компетенцией и ее фактического осуществления в конкретном правоприменительном процессе.

Раскрывая содержание категории «правосубъектность субъектов применения права», диссертант предлагает конкретизировать общее понятие правосубъектности, указав на набор специальных прав и обязанностей, носителем которых становится на ее основе субъект применения права – правоприменительную компетенцию.

При решении вопроса о соотношении правосубъектности и компетенции правоприменителей автор исходит из того, что правосубъектность, являясь базовой юридической возможностью лица, служит необходимой предпосылкой обладания любыми субъективными правами и обязанностями. С этих позиций она признается обязательной правовой основой правоприменительной компетенции как совокупности субъективных прав и обязанностей по властному индивидуально-правовому регулированию. Кроме того, в отличие от правосубъектности, опосредующей участие во всех правореализационных процессах, правоприменительная компетенция охватывает лишь дозволение осуществлять властное индивидуально-правовое регулирование, являясь, таким образом, специальной юридической возможностью отдельных субъектов права.

В работе проводится классификация субъектов применения права в зависимости от того, является ли применение права их основной, единственной функцией (В.В. Лазарев); в соответствии с тем, становятся ли они участниками тех правоотношений, которые возникают, изменяются или прекращаются в результате правоприменения, а также по критерию внутренней или внешней направленности правоприменительной компетенции.

Второй параграф «Субъекты непосредственной реализации права: понятие и виды» посвящен осмыслению природы и видового своеобразия участников реализации права, правомерным действиям которых властный, управленческий характер не присущ.

Автор полагает, что специфика рассматриваемого класса участников реализации права находит свое терминологическое выражение в категории «субъекты непосредственной реализации». Понятие «непосредственная реализация права» используется в отечественной правовой доктрине для обозначения правореализующего поведения, не подпадающего под признаки властной деятельности компетентных субъектов по индивидуально-правовому регулированию общественных отношений. Причем ключевой элемент его содержательной характеристики, как правило, связан с исключением из процесса реализации норм права государственно-властного посредничества правоприменяющих субъектов. По мнению диссертанта, при трактовке невластного характера непосредственной реализации права как самостоятельного вида правомерной деятельности, противопоставляемого применению права, принципиальное значение имеет не столько отсутствие вмешательства в рассматриваемую правореализующую деятельность со стороны правоприменительных органов, сколько исключение властного,

управленческого воздействия ее субъектов на поведение других лиц. Иными словами, соблюдение, исполнение и использование права как формы непосредственной правореализации, в отличие от одноименных действий, входящих содержание правоприменительной деятельности, не опосредуют процесс принятия индивидуального властного решения, лишены организационного, управленческого начала.

Изложенное понимание непосредственной реализации права позволяет автору отнести к числу ее участников тех субъектов права, правомерные правореализующие действия которых не составляют осуществления правоприменительной компетенции в конкретном процессе властного индивидуально-правового регулирования. Приведенная дефиниция категории «субъект непосредственной реализации права» исключает известные признаки субъекта применения права, не нарушая дихотомии понятий «участники реализации права, действия которых носят властно-организационный, управленческий характер» и «участники реализации права, правомерным действиям которых властный, управленческий характер не присущ».

В работе проводится классификация субъектов непосредственной реализации права сообразно элементному составу механизма правореализации, а также в зависимости от того, в чьих юридических интересах осуществляются соответствующие правореализационные действия.

Учитывая неоднозначное понимание механизма реализации права в юридической науке, признается возможным построение нескольких классификационных схем, основанных на различных теоретических моделях механизма правореализации. Так, в работе предпринимается попытка использовать в качестве классификационного «каркаса» субъектов непосредственной правореализации концепции механизма реализации права, сформулированные Ю.С. Решетовым и Ф.Н. Фаткуллиным.

На основе критерия юридического интереса к совершению правореализующих действий выделяются две категории субъектов непосредственной реализации права – субъекты, действующие в своем юридическом интересе, и субъекты, чье правомерное поведение нацелено на обеспечение чужого юридического интереса. Первая - охватывает право- и дееспособных лиц, самостоятельно, от своего имени совершающих правомерные действия, которые оказывают влияние на возникновение, изменение, прекращение или осуществление их субъективных прав и обязанностей. Вторая - представлена право- и дееспособными лицами, совершающими правомерные действия от своего либо от чужого имени, в результате которых возникают, изменяются, прекращаются или фактически осуществляются субъективные права и обязанности других лиц.

В процессе исследования субъектов непосредственной реализации права, действующих от чужого имени и в чужом юридическом интересе, диссертантом ставится вопрос о соотношении правосубъектности фактического правореализатора и лица, юридический интерес которого он обеспечивает. Автор приходит к выводу, что в данном случае речь идет о сочетании двух относительно самостоятельных процессов - реализации правосубъектности

фактического правореализатора и правообладателя. Право- и дееспособное лицо, которое совершает правомерные правореализующие действия от чужого имени и в чужом интересе, прежде всего, реализует собственную правосубъектность как базовую юридическую возможность, предваряющую всякую правовую активность субъекта права. В то же время подобное поведение, будучи направленным на возникновение, изменение прекращение или осуществление субъективных прав и обязанностей другого лица, может быть интерпретировано как способ реализации правосубъектности последнего.

В заключении автор обобщает и дает итоговую оценку сформулированным в диссертационном исследовании выводам, определяет актуальные направления дальнейшей разработки проблемы правосубъектности в контексте реализации права с учетом результатов проведенного исследования.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

- 1) Шигабутдинова А.Л. Некоторые аспекты применения системного подхода к исследованию субъектов права/ А.Л. Шигабутдинова //Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, кн. 4. – С.34-40 (0,48 п.л.).
- 2) Шигабутдинова А.Л. Некоторые теоретические вопросы понимания категории «правоспособность» / А.Л. Шигабутдинова // Право и государство: теория и практика. - 2010. - №7(67). - С.18-20 (0,35 п.л.).
- 3) Шигабутдинова А.Л. Правосубъектность как свойство участника реализации права/ А.Л. Шигабутдинова //Право и государство: теория и практика. – 2010. - №11(71). – С. 144-147 (0,39 п.л.).
- 4) Шигабутдинова А.Л. Правосубъектность как свойство и качество субъекта права: теоретические вопросы разграничения / А.Л. Шигабутдинова //Проблемы права. – 2010. - № 4. – С.84-86 (0,3 п.л.).

Публикации в иных научных изданиях:

- 5) Шигабутдинова А.Л. Аксиологический аспект правосубъектности в контексте проблем преодоления правового нигилизма/ А.Л. Шигабутдинова // Преодоление правового нигилизма как вектор развития современного государства и общества: материалы IV Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – С.96-98 (0,15 п.л.).
- 6) Шигабутдинова А.Л. К вопросу о социальных факторах правосубъектности/ А.Л. Шигабутдинова//Сборник аспирантских научных работ/ Под ред. Р.М. Валеева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – Вып.10. – С.412-416 (0,31 п.л.).
- 7) Шигабутдинова А.Л. О свободе воли как наиболее общей предпосылке правосубъектности/ А.Л. Шигабутдинова//Сборник аспирантских научных

работ/ Под ред. Р.М. Валеева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – Вып.11. – С.365-369 (0,28 п.л.).

8) Шигабутдинова А.Л. К вопросу о субъективных правах как элементах правосубъектности/ А.Л. Шигабутдинова//Норма. Закон. Законодательство. Право: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. – С.40-42 (0,14 п.л.).

9) Шигабутдинова А.Л. О правомерно-поведенческой трактовке реализации права/ А.Л. Шигабутдинова//Проблемы современного российского права: Международная научно-практическая конференция студентов и молодых ученых: сб. статей.- Челябинск: Полиграф-Мастер, 2010. – С.57-60 (0,22 п.л.).

10) Шигабутдинова А.Л. К теории правосубъектности как субъективного права/ А.Л. Шигабутдинова//Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: Сб. работ участников II международной заочной научно-практической конференции аспирантов и молодых ученых. – Москва: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2010. – С.482-488 (0,33 п.л.).

11) Шигабутдинова А.Л. Основные подходы к проблеме взаимодействия правосубъектности и реализации права/А.Л. Шигабутдинова// Правореализация и юридический процесс: инновационные подходы к построению моделей: сб. статей международной научно-практической конференции. – Казань: Казан. ун-т, 2011. - С.109-111 (0,22 п.л.).

12) Шигабутдинова А.Л. К методологии изучения проблемы правосубъектности/ А.Л. Шигабутдинова // Сборник аспирантских научных работ юридического факультета/ Под ред. А.И. Абдуллина. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – Вып.12. – С.488-491 (0,24 п.л.).